

Д.Н. Шилов

НОВЫЙ ТРУД О РОССИЙСКОМ НЕКРОПОЛЕ ЗА РУБЕЖОМ

Талалай М.Г. Российский некрополь в Италии / под ред. и с доп. А.А. Шумкова. — М.: Старая Басманная, 2014. — 906 с., LXXX с. цв. ил. — (Российский некрополь; вып. 21).

Московское издательство «Старая Басманная» продолжает радовать специалистов в сфере генеалогических и биографических исследований всё новыми томами российских зарубежных некрополей. В 2009 и 2012 гг. вышли подготовленные И.И. Грезиным и А.А. Шумковым описания двух крупнейших кладбищ российской эмиграции во Франции — в Сент-Женевьев-де-Буа и Ницце¹ (книга о Кокаде стала предметом рецензии, ранее помещенной на страницах «Ежегодника»²), в 2014 г. появилось рецензируемое издание, а в 2015 г. — еще одно, посвященное захоронениям в Свято-Троицком монастыре в Джорданвилле в США³. Каждая из этих книг — новое подтверждение той важной миссии в современном научном книгоиздании, которую осуществляет «Старая Басманная». Насколько мне известно, в настоящее время это единственное в нашей стране издательство, активно публикующее литературу по генеалогии и историческому некрополю — двум вспомогательным историческим дисциплинам, вызывающим в наши дни повышенный интерес в российском обществе, но недостаточно разрабатываемым в рамках академических научных структур. Можно сказать, что «Старая Басманная» продолжает то благое дело, которое сто лет назад начал великий князь Николай Михайлович, выпустивший в 1915 г. первую часть «Русского некрополя в чужих краях», охватившую захоронения Парижа и его окрестностей. Следующим тогда на очереди был русский некрополь в союзной Италии. Однако революция 1917 г. надолго положила конец исследованиям отечественного некрополя как внутри страны, так и за рубежом. Ныне у замыслов великого князя нашлись достойные продолжатели.

¹ Грезин И.И. Алфавитный список русских захоронений на кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа. М., 2009. 566 с.; Он же. Русское кладбище Кокад в Ницце. М., 2012. 757 с., LVI с. цв. ил.

² См.: Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2013. М., 2014. С. 690–694.

³ Некрополь Свято-Троицкого монастыря в Джорданвилле (штат Нью-Йорк, США) / под рук. и ред. протоиерея Владимира Цурикова. М., 2015. 263 с., XXIV с. цв. ил.

Италия всегда была особенно привлекательна для русских. Шедевры Античности и эпохи Возрождения, незабываемые красоты природы, целебный климат во все времена манили наших соотечественников, олицетворяли их мечты о высоком и прекрасном. Рим, Венеция, Неаполь в XIX в. сделались излюбленными целями просвещенных российских путешественников, стремившихся воочию увидеть то, что десятилетиями изучалось ими по книгам и лекциям в гимназиях и университетах далекой северной Империи. Щедрость природы, сокровища культуры, толерантная идейно-конфессиональная среда притягивали многих россиян, избравших Италию постоянным местом жительства, — богатых аристократов, ученых, религиозных и политических диссидентов. На итальянских кладбищах появилось русское «население», постепенно умножавшееся. XX век увеличил количество русских могил на них во много раз. Миллионы наших соотечественников были вынуждены эмигрировать, русские культурные анклавы возникли по всему миру. Италия не стала исключением. На кладбищах ее городов хоронились эмигранты первой волны, офицеры и солдаты Первой и Второй мировых войн, военнопленные, партизаны и многие другие.

Труд М.Г. Талалая и А.А. Шумкова — первая обобщающая работа, посвященная российскому некрополю в Италии в целом. В нем приводятся сведения о россиянах, погребенных более чем на 40 кладбищах 23 городов и других населенных пунктов этой страны. Во многих отношениях — археографическом, источниковедческом и т. д. — составители «Российского некрополя в Италии» усовершенствовали научно-методические приемы, выработанные сотрудниками великого князя Николая Михайловича, выдающимися историками и архивистами своего времени. В рецензируемом издании надгробные надписи, являющиеся для изучающего исторический некрополь главным источником сведений, повсеместно дополнены, проверены и уточнены по данным кладбищенских регистрационных книг, документов архивов кладбищ и метрических книг русских православных церквей в Италии. Благодаря подобному комплексному подходу к изучению некрополя составители приводят не только обычные для такого рода работ биографические и генеалогические сведения, но и важную сопутствующую информацию — номера участков и могил, данные о перемещении праха, об утрате могил, потере мест захоронений, отправке россиян, умерших в Италии, на родину и пр. Все сведения снабжены ссылками на источники. Такой подход представляется наиболее оптимальным в подобных трудах.

Основу издания составляет «Алфавитный свод умерших и погребенных в Италии выходцев из Российской империи и СССР» (с. 31–828). О количестве содержащихся в нем имен составители не сообщают. По нашей оценке, оно должно превышать 5,5 тысяч. Своду предшествуют небольшая вступительная статья общеисторического содержания («Под миртами Италии прекрасной»; с. 7–12), а также несколько кратких вводных разделов: «Общие начала работы над алфавитным сводом» (с. 13–16), «Пояснения к подаче материала» (с. 17–18; написан «совместно с А.А. Шумковым»), «Обозначения и аббревиатуры источников» (с. 19–27), «Сокращения» (с. 28–29), «Условные обозначения» (с. 29). После «Алфавитного свода» помещен очерк «Российские могилы на итальянских кладбищах» (с. 829–901;

частично «совместно с В. Гасперович и А.А. Шумковым»), в котором подробно рассказывается об истории всех упомянутых в издании кладбищ.

В «Алфавитный свод» вошли сведения о россиянах, скончавшихся в Италии и погребенных на ее кладбищах, а также о тех, чей прах был отправлен для погребения на родину. Кроме того, внесены в него и умершие за пределами Италии, но похороненные на ее территории (с. 13). Основу свода составили результаты натурных обследований кладбищ, выполненные составителями, а также их коллегами (В. Гасперович, Ю. Гавриленко, Д. Шпиленко). Как отмечает М.Г. Талалай, были изучены «кладбища практически всех крупных городов Италии» (с. 13). Как уже указывалось, натурные обследования были значительно дополнены сведениями из архивов кладбищ, государственных архивов Москвы и Санкт-Петербурга, сообщений коллег (в списке благодарностей, помимо уже перечисленных лиц, — 48 имен).

Выработанный составителями «Российского некрополя в Италии» формуляр персональной записи в «Алфавитном своде» довольно сложен и состоит из четырех разделов: 1) «информация с надгробных памятников... в переработанном виде... — *всё, что имеется на памятнике*» (курсив мой. — Д.Ш.), публикуемая в издании обычным шрифтом; 2) «дополнительная информация, полученная из кладбищенских регистрационных книг, документов архивов кладбищ или церковных метрических книг», которая «приведена здесь же курсивом» (т. е. вместе со сведениями, взятыми с надгробий); 3) далее в квадратных скобках помещены данные о месте захоронения, с указанием координат на кладбище и номера записи в кладбищенской книге, о судьбе праха, о других похороненных в той же могиле и т. п.; 4) «после квадратных скобок приведена дополнительная информация из других источников» (с. 17).

Использованные источники указываются двумя способами: «на информацию, полученную из кладбищенских книг и документов, метрических книг, хранящихся при местных церквях, документов муниципальных органов или учреждений, опекающих кладбища... ссылки приведены... внутри квадратных скобок. Сведения из всех прочих источников... снабжены ссылками... в виде постраничных сносок» (с. 17).

Текст издания сопровождается несколькими сотнями качественных цветных иллюстраций, размещенных на четырех двадцатистраничных вклейках (страницы вклеек имеют отдельную нумерацию римскими цифрами). На иллюстрациях — наиболее интересные надгробия и памятники и их фрагменты, общие виды кладбищ.

Как и упомянутые выше издания И.И. Грезина, труд М.Г. Талалая и А.А. Шумкова, вне всякого сомнения, имеет непреходящее значение для всех, кто занимается генеалогическими, биографическими, некрополеведческими исследованиями. Но сужденный этой книге повышенный читательский интерес предполагает и пристальное внимание специалистов как к ее содержанию, так и к принятым составителями научно-методическим подходам и приемам. Некоторые из них вызывают у меня вопросы и сомнения.

Прежде всего обращает на себя внимание избранная Талалаем и Шумковым методика обработки и публикации надгробных надписей. С одной стороны, состави-

тели пытались сохранить «всё, что имеется на памятнике». С другой — разработали четкий формуляр публикации этих данных. С третьей — взялись систематически дополнять их документальными сведениями, обозначая последние другим шрифтом (курсивом). Насколько рационален столь сложный способ подачи информации? Мне представляется, что задачам некрополеведческого исследования более соответствует дословная публикация надгробных надписей. Формы ее совмещения с дополнительной информацией при этом могут быть различными.

Но, разработав столь сложную методику публикации данных, составители часто сами ее не придерживаются. Об этом наглядно свидетельствуют иллюстрации, которые помещены в издании. В тексте академик Л.М. Браиловский (с. 127) показан родившимся в 1867 г. (прямым шрифтом, т. е. сведения с надгробия), но на фото (с. V) видно, что на памятнике — 1871 г. (и противоречие никак не объяснено). Академик А.Н. Векшинский (с. 156) в тексте показан родившимся в 1859 г. (прямым шрифтом, т. е. данные с надгробия), но на памятнике (с. XIV) года нет вообще, а указано только количество лет. В сведениях о Екатерине (Морозовой) (с. 271) данные о ее мирском имени и месте игуменства показаны как взятые с памятника, но на нем (с. XXI) их нет. В записи о П.Б. Мансурове (с. 448) дата его смерти по старому стилю дана как взятая из документа, а по новому стилю — с надгробия, однако на последнем (с. XLV) значится как раз дата по старому стилю (что и естественно), а даты по новому стилю не видно вообще. В записи о В. Меленевском (с. 461) датой его смерти указано 5/17 февраля (прямым шрифтом, т. е. данные с надгробия), но на памятнике (с. XLVIII) видно только одно число — 4 февраля (противоречие никак не объяснено). В записи о В.А. Пашкове (с. 543) имя и отчество указаны как начертанные на надгробии, но на последнем (с. LII) — только инициалы; после эпитафии в тексте значится: «франц. яз.», но на фотографии виден русский текст. В записи о Г.Б. Пранге (с. 568) значится «академик архитектуры и перспективно-акварельной живописи Имп. Академии художеств» (прямым шрифтом, т. е. данные с памятника), но на надгробии (с. LVII) написано только «Академик Архитектор». На совместном надгробии супругов баронов Е.Ф. и М.В. фон Таубе-Майделей (с. LXVI) отмечены только их имена и годы кончин, но в записи (с. 690) прямым шрифтом указаны и отчества, и полные даты жизни. Изображение надгробной плиты Ф.Н. Нарбековой и ее сына, архимандрита Симеона (с. LX), также совершенно не соответствует прямому шрифту в их записях (с. 493, 647). Наконец, наиболее яркий пример — надгробие известного историка профессора В.И. Модестова (с. XLVIII) и запись о нем в тексте издания (с. 477). В последней взятыми с надгробия показаны фамилия, имя, отчество, даты жизни и место смерти и приводятся следующие дополнительные сведения: «филолог и публицист, доктор филологии, профессор римской литературы, действительный статский советник» (со ссылкой на словарь Брокгауза и Ефрона). Между тем на фото демонстрируется обширная эпитафия на латыни, существенно дополняющая и конкретизирующая эти данные: «Universitatum quatuor rossicarum neorossicae kasaniensis kiviensis nec non et petropolitanae professor hic requiescat...», т. е. «Здесь покоится профессор четырех российских университетов, Новороссийского, Казанского, Киевского и Петербургского...» и далее еще четыре

абзаца текста с описанием заслуг покойного. Из вышесказанного очевидно, что составители часто не следуют заявленному ими «шрифтовому» принципу разделения информации на документальную и взятую из надгробных надписей и, что хуже, иногда неточно и неполно передают данные эпитафий.

Талалай и Шумков проделали громадную работу по привлечению большого массива разнообразных архивных материалов для дополнения и уточнения надгробных надписей. Этот значительный корпус источников их труда исследователям почти не знаком. Соответственно, необходимы были его подробное описание и источниковедческий анализ. Наблюдения составителей «Российского некрополя в Италии» о достоверности и содержательных особенностях использованных ими источников позволили бы читателям более осмысленно оценивать информацию каждой записи. К сожалению, в книге об этом аспекте работы ничего не сказано.

Мне представляется, что «Российскому некрополю в Италии» недостает указателя имен, не включенных в общий алфавитный ряд, и указателя географических названий. О необходимости таких указателей в трудах подобного рода я уже писал в рецензии на книгу И.И. Грезина о Кокаде, также вышедшую под научной редакцией А.А. Шумкова. Там же высказаны и аргументы в пользу этого предложения, от их повторения воздержусь.

Но в ныне рецензируемом труде невнимание составителей к исторической географии привело еще и к многочисленным ошибкам. Последние, очевидно, содержатся в использованных Талалаем и Шумковым массовых источниках (учетная воинская документация), не всегда надежных в этом отношении. Судя по сноске 92 на с. 89 (о Петрограде в 1852 г.), комментирование таких ошибок предполагалось, однако систематически по тексту оно не произведено. В результате читатель встречается с Татарской АССР в 1905 г. (с. 55), с Узбекской ССР в 1919 г. (с. 72; образована в 1924 г.), с Семипалатинской губернией в 1917 г. (с. 72; образована в 1920 г., до того — Семипалатинская область), с Алма-Атой в 1914 г. (с. 328; правильно — г. Верный), с Харьковской областью в 1920 г. (с. 329; образована в 1932 г.), с Казахской ССР в 1923 г. (с. 350; образована в 1936 г.), с Судженским уездом (с. 371; правильно — Суджанский), с Черкутинским уездом (с. 92; никогда не существовал) и т. д. Повсеместно по тексту приводятся названия малоизвестных населенных пунктов без указания их типа (деревня, село, поселок, местечко) и без точной привязки к уезду (району), а иногда и к губернии (области) — «попал в плен под Оржицей» (с. 56). Наконец, в наименовании одного и того же населенного пункта нет единообразия: например, город Меран указан и как «Меран, Тироль, Австро-Венгерская империя» (с. 103 и др.), и как «Меран / Мерано» (с. 41), и как «Мерано (Меран), пров. Больцано» (с. 336).

Редакторская работа над текстом осталась незаконченной. Следствием этого явились разного рода неточности. В нескольких местах «Алфавитного свода» нарушен алфавит. После Григория Мельникова следует Мельчиков (возможно, здесь опечатка в фамилии?), а затем снова Мельников; братья Балашовы получили разные фамилии (Балашев, Балашов) и оказались из-за этого врозь в алфавитном ряду. Мантейфель указан перед Мансуровыми. Шлейфер Елена поставлена после

Шлейферов Николая и Юрия (видимо, здесь в алфавит вторглось стоящее после фамилии «рожд. Ратькова-Рожнова»). Редакторские комментарии не всегда четки и ясны: «все эти сведения... — сомнительны» (сноска 41 на с. 78; но хотелось бы знать — почему?); примечание 221 на с. 371 дано к дате, которой нет в тексте комментируемой записи. Выглядят необоснованными два редакторских решения, противоречащие традициям научно-справочного книгоиздания. Первое — нумерация сносок, заново начинающаяся внутри каждой буквы алфавитного ряда. Второе — помещение в нем членов Дома Романовых на слово «Российский» (Российский императорский дом).

Ключ к любому справочнику — его научный аппарат, важнейшие структурные части которого — указатели и списки сокращений. Указателей в книге нет. Списков сокращений, как уже упоминалось, три: «Обозначения и аббревиатуры источников», «Сокращения», «Условные обозначения» (т. е. небуквенные символы, обозначающие рождение, смерть, гибель в бою и захоронение). При этом в первой рубрике библиографические сокращения оказались объединены с аббревиатурами учреждений, а также с сокращенными наименованиями кладбищенских терминов, а во втором — нарицательные слова с местами изданий. Такая организация списка сокращений представляется неудачной. Гораздо проще и понятнее для читателя общепринятая система, когда под общей рубрикой «Списки сокращений» выделяются разделы «Нарицательные слова», «Названия учреждений, организаций, государств», «Названия изданий», «Места изданий».

Замечаний о системе сокращений в рецензируемом издании может быть сказано немало — и общих, и частных. Остановлюсь только на общих. В списках сокращений многократно погрешностей против алфавитного ряда: ИАРЗ предшествует ДРРИ, РГИА — РГВИА, РИ — РЗФ, сначала Kwiatkowska, затем Koskull и т. д. Библиографические сокращения произвольны: так, издания Ф.Н. Булгакова «Наши художники», Н.А. Мурзанова «Словарь русских сенаторов» и ряд других сокращены только на фамилию автора (что рационально и общепринято — сокращение и должно быть кратким), но в других случаях составители считают нужным прибавить название — «Грезин. Русское кладбище Кокад». Но ведь других трудов И.И. Грезина в списке сокращений нет, к чему удлиняющее пояснение? В одном случае произведение двух авторов сокращено аббревиатурой (ДРРИ), но чаще соавторы повторяются («Лейкинд, Махров, Северюхин» и даже «Рыклис, Шумков, Поляковы»). Для чего, если это единственный упоминаемый в списке их труд? Некоторые придуманные составителями аббревиатуры вычурны (ОСПВМ-К), другие образованы с нарушением принятых правил — ОИМ, где «О» — предлог «О бывших у исповеди...»). Очевидно, что никакой «системы» в такой системе сокращений нет. Впрочем, составители и не придерживаются ее строго. Иногда в списке сокращений один вариант, а в тексте — другой (пример — литера А, сноска 39). Многих сокращений (вмч., вол., Вся Москва, гор., ЕВ, ИРЗИА (с. 363; возможно, правильно — ИАРЗ), ОБД, пров., прп., РДПЦ и т. д.) в списках нет вообще.

Подводя итоги, отмечу, что высказанные замечания относятся в основном к методике публикации данных, а также к научно-справочному аппарату издания. Сам по себе громадный материал, добросовестно собранный, обработанный

и систематически прокомментированный составителями, является бесценным подспорьем для всех, кто занимается генеалогией, некроповедением, биографическими исследованиями, историей российской эмиграции в Западной Европе. Именно в нем заключается непреходящее научное значение «Российского некрополя в Италии» — важного и полезного труда, за который М.Г. Талалаю, А.А. Шумкову и издательству «Старая Басманная» суждена вечная читательская благодарность.